

Глава 16

Тихон (Василий Никаноров), 1902–1907

Василий Варсонофьевич Никаноров родился 30 января 1855 года в семье псаломщика Новгородской губернии. В 1877 году окончил Новгородскую духовную семинарию, а в 1881 году – С.-Петербургскую духовную академию. В 1884 году вновь вернулся в родные пенаты, став вначале инспектором Новгородской семинарии, а через шесть лет, по возведении в сан архимандрита, и ее ректором. В 1891 году определен настоятелем Новгородского Антониева монастыря, а 2 февраля 1892 года хиротонисан во епископа Можайского, второго vicария Московской епархии. 20 августа 1899 года ему назначили быть епископом Полоцким и Витебским, а 4 июня 1902 года – епископом Пензенским и Саранским. 18 июня Преосвященный Тихон отбыл из Витебска, кафедрального города Полоцкой епархии, некоторое время пробыл в С.-Петербурге и Москве, а 4 июля прибыл к месту своего нового назначения – Пензу. По традиции, Владыка проехал в кафедральный собор, а уже оттуда – в архиерейский дом, где ему представились служащие духовного ведомства.¹⁰³

И в Москве, и в Полоцкой епархии епископ Тихон отличался особой заботой о церковных школах. Являясь председателем Московского епархиального училищного совета, он способствовал открытию отделения совета в самой Москве, что оказало благотворное влияние на число церковных школ в столице, за пять лет увеличившееся вдвое. Приехав в Пензу, епископ Тихон застал идущие там в полном разгаре занятия педагогических временных курсов для учителей церковных школ Пензенской епархии, которые открылись 20 июня 1902 года в здании духовной семинарии. На них собралось более 130 преподавателей церковных школ. Контингент обучающего персонала был довольно высоким. Русский и церковно-славянский язык вел известный педагог, последователь К. Д. Ушинского, сторонник всеобщего обязательного и бесплатного обучения, автор многих учебных пособий по русскому языку Николай Федорович

Епископ Тихон (Никаноров)

Бунаков, в том же году лишенный права заниматься педагогической и общественной деятельностью за свои политические убеждения. Пению обучал наш земляк, преподаватель Московского Елизаветинского института Александр Васильевич Никольский, представитель нового направления в церковно-певческом искусстве, только что закончивший Московское музыкально-драматическое филармоническое училище. Педагогику преподавал инспектор Московского Александро-Мариинского института С. В. Зенченко. Были среди педагогического состава курсов и местные силы: по Закону Божию – протоиерей Никольской церкви г. Пензы И. А. Платонов, по арифметике – инспектор народных училищ Пензенской губернии П. Ф. Орелкин, по церковно-славянскому языку – епархиальный наблюдатель церковноприходских школ С. А. Пономарев. 19 июля состоялось закрытие курсов. После торжественного акта было открыто Общество вспомоществования учащим и учившим в церковных школах Пензенской епархии, председателем правления которого стал преподаватель семинарии А. Е. Попов. Епископ Пензенский и Саранский Тихон пожертвовал в пользу вновь учрежденного общества 100 рублей.¹⁰⁴

В конце того же года в Пензе было создано Церковно-певческое общество, с идеей создания которого выступил композитор Александр Андреевич Архангельский, бывший выпускник Пензенской духовной семинарии. Став основателем церковно-певческого благотворительного общества в Петербурге, он организовал там концерт объединенных петербургских хоров, на котором побывал государь император, высказавший пожелание распространить по России опыт создания подобных хоров. Естественно, что Архангельский обратил прежде всего свое внимание на Пензу, где с архиерейского хора начинался его большой путь в искусстве. 29 марта 1902 года он сообщил о своем намерении одному из пензенских регентов, и ровно через месяц – 28 и 29 апреля – в Пензе уже состоялись духовные концерты, сбор с которых пошел в фонд учреждаемого Церковно-певческого общества. Причем 100 рублей в него внес Архангельский, под дирижированием которого и прошли в Пензе эти грандиозные концерты объединенного церковного хора, насчитывавшего около 250 человек. А 30 апреля состоялся еще один, незапланированный “концерт” – все церковные хоры под управлением Архангельского в Никольской церкви г. Пензы исполнили заупокойную литургию и затем чин отпевания при погребении скончавшегося в эти дни старейшего дирижера П. Л. Федотова, дававшего в свое время первые навыки мастерства А. А. Архангельскому. 24 ноября на собрании учредителей церковно-певческого общества было избрано его правление во главе с А. В. Касторским, а 8 декабря 1902 года в зале городской думы, где собрались певчие,

регенты и учителя пения, состоялось открытие общества. Молебствие по случаю этого торжественного события сопровождалось пением соединенного хора в 200 человек под управлением регента хора Богоявленской церкви г. Пензы В. И. Попова, являвшегося в то же время и товарищем председателя вновь созданного общества. Как следовало из устава, первоочередная цель Церковно-певческого общества была чисто благотворительная – материальное поддержание его членов. Но насколько глубже понимание действительных задач общества прозвучало в поздравительной речи Преосвященного Тихона, который главный акцент сделал не на материальной стороне – “обеспечении членов общества” и даже не на духовной, в обычном понимании этого слова, – “услажении слуха”, а выразил главную цель общества в самом высоком духовном смысле, которой прежде всего и должен руководствоваться человек в своей деятельности, – “прославление имени Божия”. К сожалению, об этой высшей цели люди, как правило, и забывают.¹⁰⁵

Епископу Тихону особенно близки были нужды воспитанников духовных учебных заведений, и не случайно он стал инициатором открытия при Тихоновском духовном училище братства во имя св. Тихона, епископа Воронежского и Задонского, учрежденного 26 января 1903 года с целью благоустройства училищного храма и помощи бедным ученикам. В пользу братства Преосвященный Тихон и городской голова Н. Т. Евстифеев сделали взносы в размере 100 рублей каждый.¹⁰⁶

Лето 1903 года было отмечено необыкновенным религиозным подъемом в связи с канонизацией и сопричислением к лику святых великого молитвенника Русской земли Серафима Саровского. Особенно эта праздничная атмосфера чувствовалась в Пензенской епархии в Краснослободском уезде, близлежащем к Саровской обители Тамбовской епархии. Нескончаемые толпы паломников, несмотря на уборочную страду, шли и шли к месту прославления “самого великого подвижника благочестия последних времен”, чтобы с 18 по 22 июля принять участие в саровских торжествах. Первой “ласточкой” предстоящего празднования стало недолгое пребывание в Пензе 30 июня 1903 года первенствующего члена Св. Синода, митрополита С.-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского) и епископа Тамбовского и Шацкого Иннокентия (Беляева), будущего экзарха Грузии, остановившихся в нашем городе проездом по пути в Саровскую пустынь. Вместе в пензенским Преосвященным Тихоном и исправляющим должность пензенского губернатора вице-губернатором Г. А. Лопатиным они проехали в кафедральный собор, где посетили гробницу епископа Иннокентия и выслушали панихиду по почившему. Надо заметить, что такого ранга иерарх Русской Православной Церкви посещал наш кафедральный собор впервые. Затем гости немного пе-

редохлали в архиерейском доме и затем продолжили путь по Рязано-Уральской железной дороге, пробыв в Пензе всего только один час, так что кроме ограниченного числа лиц этот визит не оставил следа в памяти жителей нашего города.¹⁰⁷

Зато посещение ровно через год Пензы государем императором Николаем II оставило неизгладимые воспоминания в сердцах всех верноподданных Его Императорскому Величеству граждан. 28 июня 1904 года к платформе Сызрано-Вяземской железной дороги на мгновение подошел императорский поезд, с тем чтобы в вагон успел лишь сестрь начальник губернии. Сама же торжественная встреча государя императора и его брата наследника престола великого князя Михаила Александровича происходила на вокзале Рязано-Уральской железной дороги, рядом с которым находилось лагерное поле, где должен был состояться смотр пензенских воинских частей, отправлявшихся на войну с Японией. После окончания смотра августейшие особы направились в кафедральный собор, где их на паперти встретил Преосвященный Тихон с духовенством и после небольшого, подобающего случаю приветствия, провел в храм. По окончании краткого молебного пения высокие гости преклонили колени перед чудотворной иконой Казанской Божией Матери, осмотрели росписи собора и знамена пензенских народных ополчений 1812 года и 1855 годов и отбыли к Сызрано-Вяземскому вокзалу по Московской улице, заполненной массами народа. Один из свидетелей проезда императорского кортежа, стоявший в оцеплении близ Петропавловской церкви, спустя пять лет после этого незабываемого для Пензы события, писал, снова испытывая те же восторженные чувства, которые охватили его при виде государя императора: “Необъятны по своему значению минуты близкого соприкосновения царя с народом. Кто не видел таких минут, кто не ощутил их в своем сердце, тот никогда не поймет, что такое царь для русского народа. Царь – это символ его жизни, его величия, его славы. В неразрывном единении царя с народом – сила и мощь нашего Отечества! Пусть об этом не забывают наши законодатели. Пусть знают об этом наши “товарищи” и “борцы за равноправие” из инородцев, с такою любовью желающие во что бы то ни стало навязать нам, при вновь формирующихся условиях нашей жизни, западноевропейские образцы, без малейших даже попыток [с]огласить их с характером и историей русского народа!...”¹⁰⁸ Увы, законодатели и “товарищи из инородцев” сделали все, чтобы подорвать силу и мощь Державы. И как злободневны эти слова сейчас, когда навязываемые нам “западноевропейские образцы” вновь лишают Россию той общенациональной идеи, которая может еще спасти страну от неминуемого краха.

Итак, Россия погружалась в неудержимый разгул страстей: нравственность и религиозность населения катастрофически падали; дарованные царским Манифестом 17 октября 1905 года свободы помрачали рассудок; Государственная Дума, допущенная до участия в законодательных делах, всячески расшатывала

Его Императорское Высочество наследник цесаревич Николай Александрович на момент его первого приезда в Пензу в 1891 году

Встреча Его Императорского Величества государя императора Николая II в Пензе на вокзале Рязано-Уральской железной дороги в 1904 году

государственные устои; умудренные жизненным опытом священнослужители пресмыкались перед носителями “передовых” взглядов – недоучками-семинаристами, боясь прослыть несовременными; библиотека Иннокентиевского братства при Пензенском кафедральном соборе знакомила учащихся с нелегальной литературой. Газеты и журналы пестрели статьями о необходимости повсеместных изменений и реформ, в том числе и в Церкви. Стало модным высмеивать церковные недостатки даже на страницах официальных епархиальных органов печати, что еще больше подрывало и без того уже сильно пошатнувшийся авторитет духовенства. Предлагаемые перемены и улучшения в церковной жизни посягали порой на самое святое: на священные каноны Церкви, исторические традиции, основы нравственного воспитания. Полу- религиозная интеллигенция, совершенно не знакомая со святоотеческим наследием и процессом становления церковного устава, выдвигала условия своего воцерковления – убрать из богослужения все, на ее взгляд, лишнее и утомительное: вести службу на понятном русском языке; значительно сократить продолжительность молитвы за счет увеличения времени, отводимого на проповедь; лишить храм Божий его благолепия, якобы свидетельствующего о сребролюбии Церкви, раздав все нищим, да и вообще признать характерную для Русской Православной Церкви обрядность не особенно заслуживающей внимания, что, в принципе, было недалеко уже и от утверждения о возможности спасения вне самой церкви. За всем этим проглядывало стремление мыслящей по западноевропейским стандартам русской интеллигенции превратить Церковь в протестантскую общину, лишить ее чувственно- созерцательной стороны в угоду умозрительной, подменить действующую в церкви через апостольское преемство благодать Святого Духа, а постоянно возникающее покаянное чувство – ощущением самодостаточности и самоуспокоенности. Резко полевевшее духовенство под видом борьбы с “пережитками старины” в Церкви предлагало всевозможные новшества, преследуя зачастую свои корыстные цели: овдовевшее священство добивалось разрешения на второбрачие, не желая отказывать себе в мирских удовольствиях; стремящиеся к высоким должностям мечтали об учреждении белого епископата; приходские священники, не желавшие ни с кем делиться доходами, доказывали ненужность для церкви диаконов; диаконы и самый малообразованный клир – псаломщики, в свою очередь, требовали себе равного права в решении большинства церковных вопросов, миряне – возможности выбора подходящего для них батюшки и т. д. Причем все это облекалось якобы в заботу об оживлении Церкви, и разобраться, кто чем руководствуется и чем все эти нововведения грозят Церкви, было по большей части невозможно.

В эти 1900-е годы жизнь в епархии текла как бы в двух измерениях. Каждый год продолжал приносить верующим какие-то радостные события, главными из которых были освящения новых храмов и приделов. 30 ноября 1903 года Преос-

вященный Тихон освятил главный престол в Наровчатском Троицком храме, возобновленном после пожара 1890 года, уничтожившего в Наровчате две трети домов и оба храма. В 1905 году был освящен Успенский храм на Мироносицком кладбище в Пензе, построенный на пожертвования горожан по проекту губернского инженера А. Г. Старжинского. Один из его престолов был посвящен св. Алексию, Митрополиту Московскому – в честь рождения наследника престола Алексея Николаевича. 10 июля 1905 года состоялась закладка храма во вновь учрежденной Ново-Серафимовской мужской пустыни в Саранском уезде, на границе Пензенской и Симбирской губерний, место для которой утвердил побывавший там пензенский архиерей. В сентябре следующего года Пензенский Спасо-Преображенский монастырь заложил храм во имя преподобного Серафима Саровского в Ахунах, дачном поселке г. Пензы, а 12 ноября Преосвященный Тихон освятил новый каменный храм в пригородной деревне Веселовке, построенный на средства, собранные местными жителями. Той же осенью был освящен храм в с. Дубровках Наровчатского уезда. На благоустройство и строительство храмов в 1906 году поступило денег 95465 рублей и вещей на 14043 рубля. И это при всем том, что год был очень тяжелым для населения Пензенской губернии в связи с недородом и хлебов и трав. Так что для многих верующих, далеких от активного участия в обновлении церковной жизни, все вроде бы оставалось по-прежнему: обычные богослужения перемежались торжественными архиерейскими службами, в Пензе – чаще, в селах – по случаю архиерейских обзрений епархии либо освящений храмов, собиравших огромное число народа. Но усиленная проповедь приходских священников, направленная на охранение как нравственных устоев, так и верноподданнических настроений, свидетельствовала о неблагополучном положении дел в этих областях общественной жизни.

В своем отчете в Св. Синод за 1906 год Преосвященный рисует падение народной нравственности такими красками: «Нетрезвость в народной среде ведет за собою в семейства ссоры между родными, по временам доходящие и до драки, спаивание старшими членами семей и лиц младшего возраста, даже девиц. В состоянии опьянения молодые люди и девицы, сколько стало известно иереям приходским, позволяли вести себя неподобающе возрасту и хотя до падений не доводили себя, тем не менее утрачивали чувства стыдливости, служащей украшением молодости, в особенности девиц. Пребывание многих из сих юных в последующее время на работах на фабриках и заводах, где вообще мало обращается внимания на нравственную сторону служащих, приводило к еще большему понижению уровня нравственности и даже утрате целомудрия в некоторых случаях. Последствием всего этого являются участвовавшие в последние годы, и в особенности в 1906 году, разводы по прелюбодеянию одно-

го из супругов, преимущественно в среде крестьян и даже мордвов, до самого последнего времени бывших в этом отношении верными обету взаимной любви и супружеской верности. Как против пьянства, так и в особенности против порока нецеломудрия мною было преподано пастырям подробное, настоятельное руководство с указанием всех мер, способных, по моему мнению, отрезвляющим образом подействовать на разум и совесть русского человека, всегда готового подняться и из глубины падения и стать на путь жизни трезвенной в соединении с трудолюбием, внимательным отношением к своему нравственному состоянию, а к нарушителям целомудрия повелено мною пастырям применять меры убеждения в частных беседах наедине, чтобы пробудить совесть и страх Божий в сердцах падших по несчастью в таковое состояние...”

В ответ на погромы помещичьих усадеб, прокатившихся по губернии, Преосвященный Тихон неоднократно делал распоряжения своему духовенству внушать прихожанам, “что отнятое или похищенное у других добро не пойдет впрок отнявшим, напротив, оно сожжет как огнем и уничтожит по суду правды Божией и все то, что раньше было приобретено трудами, чему примеры бывали и прежде и могут быть и в наши дни, и что только праведное и с Божия благословения приобретенное прочно и может послужить и нам и потомству нашему на пользу, в особенности, когда благоприобретенным добрый труженик делится и с нищими, благотворя последним по силе и достатку”. Будто в воду глядел Преосвященный, предостерегая от “экспроприации экспроприаторов”. Стоит ли тут удивляться и негодовать, что награбленное крестьянами у помещиков добро не послужило им на пользу и что по закону воздаяния в советское время у тех же крестьян, согнанных в колхозы или раскулаченных, было отнято и все нажитое ими самими честным трудом?

И насколько злободневно звучат слова Преосвященного о том, что “вообще не богатство и имения вещественные сами по себе составляют достоинство человека и народа, но добрые нравы и благочестие, привлекающая на всех Божие благословение, Его помощь и милость способствуют, как это было с нашими предками, строителями и собирателями Земли Русской, столь возвысившими и усилившими Державу Российскую, приобретению благ вещественных, для жизни необходимых...” Не это ли ответ на вопрос – “как нам обустроить Россию”? Добрые нравы и благочестие – вот чего нам сейчас не хватает, чтобы надеяться на Божие благословение в наших, увы, пока безрезультатных, трудах. Но, прежде всего, – нужна сама вера в Бога...¹⁰⁹

А тем временем под самым боком у епископа Тихона – в духовной семинарии – разворачивались экстраординарные события, требовавшие

немедленного вмешательства. “Пензенская духовная семинария, по распоряжению высшей власти, с 8-го ч[исла] октября сего [1905] года закрыта на неопределенное время, с удалением из нее учеников. Что послужило причиной этого печального события? До 5-го ч[исла] октября месяца учебные занятия в семинарии шли безостановочно и правильно, 6-го же октября после первого урока почти все воспитанники семинарии собрались в семинарском саду на сходку под руководством некоторых из числа учеников 6-го и 4-го классов, слушали речи своих вожаков и петицию, составленную последними, и решили забастовать. Для объявления их решения главный руководитель забастовки явился после сходки в учительскую комнату, где были ректор и преподаватели семинарии, и объявил, что общее собрание воспитанников решило закрыть семинарию, и что поэтому гг. преподаватели приглашаются не ходить на уроки. Вскоре почти все воспитанники собрались в 4-й класс, позвали к себе ректора, и главный их руководитель прочитал в присутствии его петицию и вручил ее ректору. Увидев, что петиция никем не подписана, ректор заявил, что безымянная петиция не может иметь никакого значения, и предложил воспитанникам подписать ее. Но последние отказались от подписи и в один голос заявили, что все они признают поданную петицию своей. В петиции заключались два разряда требований: одни предъявлялись Св. Синоду к исполнению без указания срока, к какому они должны быть удовлетворены, другие предлагались к немедленному исполнению, до какого исполнения ученики прекращают свои занятия. Тщетно ректор пытался прекратить начавшиеся волнения среди учеников, тщетно лица инспекции и преподаватели семинарии старались поддержать течение учебного порядка в заведении, тщетно сам Владыка личным присутствием пытался воздействовать на учеников, чтобы они продолжали учебные занятия. Главные руководители воспрепятствовали всем этим попыткам. Они старались держать учеников в массе и под постоянным своим влиянием, для чего устраивали сходки в классе, не позволяли ученикам расходиться по своим классам, чтобы воспрепятствовать наставникам пойти на уроки, мешали совершать обычные молитвы, равно не допустили в семинарской церкви совершения всенощного бдения, от лица всех воспитанников решительно объявили, что воспитанники не станут учиться и не оставят семинарии, пока не получат от Св. Синода ответа на их требования, выраженные в петиции. В довершении всего воспитанники, живущие в казенном и епархиальном общежитиях, захватили в свои руки распоряжение всем распорядком внутренней жизни... Гражданская власть применила свои меры. Эти меры не заставили воспитанников учиться; но они привели их к сознанию, что раз они решили прекратить учебные занятия, должны оставить заведение, предназначенное только для учения...” Далее объяснялись причины выступления семинаристов: “Летом настоящего года в г. Владимире собрался съезд семинаристов – представителей от девяти духовных семинарий, а от десятой на этом съезде

было лишь письменное полномочие представителя... Хотя наша семинария и не имела на съезде семинаристов своего представителя, но для сношения с центральным бюро конспиративный адрес на имя вышедших уже из нее учеников, проживающих в Пензе, она указала и основала в среде своих воспитанников частное бюро. Результаты работы этого последнего и выразились пока в устройении вышеописанной забастовки в нашей семинарии...”¹¹⁰

В целях пресечения дальнейших беспорядков духовная семинария была закрыта, а ученики распушены по домам. 8 января 1906 года в семинарии возобновились занятия, причем с учеников взяли подписку о “согласии, в ожидании обещанных Св. Синодом реформ, продолжать учебные занятия при старом строе духовных семинарий, с обязательством не принимать участия ни в каких сходках и забастовках и исполнять все существующие правила поведения семинарских воспитанников”¹¹¹ “Но вскоре между учениками стали распространяться воззвания с призывами продолжать начатую борьбу, не стесняясь данным письменным обязательством, так как оно было вынуждено... На сходке 16 января учениками решено было подать педагогическому собранию правления записку с предъявлением [одиннадцати] пунктов...”, на что собрание постановило предупредить семинаристов о возможном закрытии учебного заведения. Но атмосфера в семинарии все более накалялась и вскоре приняла угрожающий характер, причем, как это обычно бывает, собственно революционные действия тесно переплелись с хулиганскими выходками, граничащими с уголовным преступлением: пение революционных песен, объявление голодовки и угрозы расправы в адрес служащих семинарии; битье стекол, поджоги, кража денег и имущества и развешивание красных флагов, распространение прокламаций и нелегальной литературы; ученики обзаводились револьверами и самодельными бомбами, по вечерам из окон общежития беспрестанно раздавались выстрелы. Пик выступлений пришелся на 23 апреля, день тезоименитства государыни императрицы Александры Феодоровны, когда ученики порвали вывешенные национальные флаги, а вечером, с возгласами “долой царя”, возвели баррикаду на улице. На следующий день с песнями и красными флагами семинаристы вышли на демонстрацию, но были разогнаны полицией. 25 апреля занятия в семинарии были прекращены, и открылась она лишь в августе, после каникул, причем всех учеников обязали сдавать экзамены, после одного из которых, 26 августа, произошло покушение на ректора семинарии П. А. Позднева, в результате чего он был ранен из револьвера в ногу. Это побудило его сменить не только место службы, но и жительства: 26 декабря, согласно его просьбе, он был уволен от должности ректора и назначен в г. Балашов Саратовской губернии настоятелем соборной церкви и благочинным балашовских городских церквей, а вскоре был перемещен в Саратов, став там с марта 1907 года священником Вознесенской церкви.¹¹²

26 декабря 1906 года новым ректором Пензенской духовной семинарии был назначен архимандрит Николай (в миру Никанор Орлов), незадолго до того определенный ректором Благовещенской духовной семинарии. Но не прошло и пяти месяцев, как 18 мая 1907 года он был застрелен из револьвера, в связи с чем семинарию вновь закрыли. К этому времени разгул терроризма царил по всей стране. Не было, пожалуй, ни одной семинарии, не охваченной беспорядками. От рук злоумышленников погибли ректор Тамбовской и инспектор Тифлисской семинарий, совершено покушение на ректора Тульской семинарии. В Пензе в зимнем театре в ночь на 26 января 1907 года сыном инженера Рязано-Уральской железной дороги Гитерманном был убит губернатор С. В. Александровский, а заодно помощник полицеймейстера, городской и декоратор театра, пытавшиеся схватить убийцу. Занятия в семинарии начались после почти восьмимесячного перерыва – 9 января 1908 года, причем более 40 самых неблагонадежных учеников из нее были исключены.¹¹³

После поражения первой русской революции участникам ее настало время платить по счетам, предъявленным гражданским начальством. В число плательщиков попали и некоторые из священнослужителей Пензенской епархии. Однако Преосвященный Тихон, которому пришлось расследовать эти обвинения, квалифицировал их, пытаясь смягчить вину духовенства, таким образом: “В действиях обвиняемых были не столько намеренные отклонения от исполнения закона и служебного долга, сколько неумелые и несогласованные с намерениями власти разъяснения его распоряжений”. А 25 июля 1907 года неожиданно для всех епископ Тихон был отправлен на покой с назначением на должность настоятеля Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря Московской епархии. Прощаясь 6 августа со своей паствой, Преосвященный пояснил причины своего ухода от них так: “Настоящее состояние Отечества и Церкви Божией подобно бурному морю, которое стараются переплыть пловцы. Как бы сильны ни были эти пловцы, они нуждаются в опытном и искусном кормчем, чтобы спокойно и без страха переплыть бурное море. Я был вашим кормчим в течение пяти лет и сознал себя слабым кормчим. Вот почему я решил уйти на покой, уступив свое место другому, более разумному, более сильному и более опытному пастырю...”¹¹⁴ И все же, истинной причиной его отставки было не это. Да, Преосвященный мог чувствовать свое бессилие в борьбе с разбушевавшимся под влиянием революционной стихии житейским морем, видя, что его штурвал – архипастырское слово, такой, казалось бы, надежный при тихой погоде, не может больше удерживать корабль на верном пути. И причиной тому была не слабость его духа, силу которого ему еще предстояло доказать, а излишняя, может

быть, доброта и мягкость характера по отношению к людям, что проявилось хотя бы в нежелании наказывать духовенство, принимавшее участие в так называемом освободительном движении. Как раз это обстоятельство и послужило поводом к удалению епископа Тихона на покой, о чем свидетельствуют следующие строки: “Один из священников Пензенской епархии по просьбе прихожан отслужил панихиду по члену I Думы М. Я. Герценштейну, убитому черносотенцами. Епископ Тихон перевел священника в другой приход. Мягкость наказания возмутила Столыпина. В личной записке Извольскому (обер-прокурору Св. Синода. – А. Д.) он потребовал “уволить немедленно на покой самого архиерея вместе с мятежным попом”¹¹⁵.

Опала Преосвященного Тихона закончилась в 1912 году, вскоре после смерти П. А. Столыпина. В июне 1912 года он был вновь назначен на кафедру, став епископом Калужским и Боровским, а 13 мая 1913 года, после возведения в сан архиепископа, перемещен в г. Воронеж, где его и застала Октябрьская революция. Резиденцией архиерея в Воронеже был расположенный в самом центре города Митрофановский монастырь, превращенный большевиками в 1919 году в концлагерь. Но поскольку кельи заполнились заключенными не сразу, в монастыре все так же продолжали проживать монахи и размещались покои архиерея. Весьма недвусмысленное соседство братии с узниками не могло не предвещать им той же самой участи. Но действительность, по крайней мере для иерарха Воронежской Церкви, оказалась намного ужасней. Вот как описывают мученическую кончину архиепископа Тихона: “Новое страшное надругательство революционные бандиты совершили на третий день Рождества Христова 1920 года. Во время литургии группа красноармейцев вошла через царские врата в алтарь Благовещенского собора Митрофановского монастыря. Их главарь, закулив папиросу от лампы семисвечника, сел на престол и объявил решение “пролетариев” – архиерей как монархист и пособник белогвардейцев должен быть ликвидирован. Тут же без особой “волокиты” они исполнили свое беззаконие. Повесили воронежского архиепископа Тихона (Никанорова) на царских вратах собора. И в течение двух месяцев запрещали хоронить тело мученика. Только 2 марта 1920 года было совершено отпевание и погребение архиепископа Тихона его викариями”¹¹⁶. Упокой, Господи, его душу.

